

ПРИСКАЗКИ

Сказ про нас

1

На склоне лет с набором бед
Бреду по бездорожью.
Людей здесь нет, здесь всё во вред,
Оглядываюсь с дрожью.
За тем углом старухи дом
На курьих ножках старых.
Зашёл ладком, столы рядком
И пышут самовары.
Кот на печи лежит, молчит,
Лениво взгляд прищурил,
В углу ворчит, ножи точит
Хозяюшка понуро.
– Садись, милоч, здесь в уголок,
Располагайся смело,
Делов чуток, закончу в срок
Поговорим по делу.
Старуха враз протёрла глаз
И печку открывает,
Клюкою в паз, рукою - раз,
Кастрюлю вынимает.
Я глаз скосил, её спросил:
– Удумала, старуха?
Смотреть нет сил, но запах мил,
Я почесал за ухом.
– Ты, что, дурак, больной, никак?
И сказок начитался.
Нечистый всяк и вурдалак
Людьми не питался.
Подумать – срам старухам нам
Людей варить зазорно,
Цыплёнок там, нам по зубам, –
Сказала, хмыкнув вздорно.

Сидим, едим, на стол глядим,
Молчим немые словно.
И кот Ефим, и чёрт бы с ним,
Но смотрит слишком злобно.
– Чего зашёл, ты мой сокол?
Людишки здесь не ходят,
Есть в жизни скол иль мордой в пол,
Случилось, что, доходя?
– Мне жизнь не всласть, на всё накласть.
И свет не мил паскудный
Не смог я красть, не вышел в власть,
Всё муторно и нудно.
– Скажи мне, друг, чего ж испуг
Тебя так исказил,
Раз есть недуг и замкнут круг
И белый свет не мил.
– Ну, как сказать и не соврать,
Как выразить правдивей,
С судьбой играть, жуть помирать,
Ответ тебе за диво?
– Со страхом жить, послушным быть,
А раньше так и жили,
Но жизни нить со страхом свить,
За всех за нас решили.
Другой живёт со страхом рвёт
И на коне, на белом,
Иной хрип гнёт, не ест, не пьёт,
Трясётся хилым телом.
А страх он твой всегда с тобой
С ним справиться непросто,
Забудь покой, воюй с собой
И вырви всё с коростой.
Я удивлён, веков спокон
По сказкам нашим чудным,
В старухин схран, и жизнь на кон
А тут и стол не скудный.
Здесь чистота, там красота,
Кот замурлыкал сладко,
Но нет Христа, душа пуста

И бабка не в порядке.
– Ты бабка та, ох не проста,
Я так и жду подвоха,
Ты простота, ты доброта,
Но чую ты – пройдоха.
– А ты, как ребята и утки вон летят
И в сказках разно пишут,
Вас напугать хотят, ну вот и воротят,
А ты, как слон от мыши.
Выходит ложь там в сказках сплошь,
Неужто всё бредово?
– Вынь да положи всю правду, что ж
Здесь поживи, бедовый.
Куда спешить, где суд вершить,
Давай решай смелее,
Людей смешить, ну так и быть.
Поставим Бармалеем.

2

Уже почти стемнело,
Но не исчезла смелость
И кушать не хотелось,
Хоть дело ввечеру,
Старуха появилась,
Да так принарядилась,
Принцессам то не снилось,
Ну, прямо ко «двору»
– Начнём наше собранье,
Откроем заседание,
По поводу гулянья,
Сегодня культпоход,
С милицией не драться,
Хмельным не надираться
И утром собираться
Не так, как в прошлый год.
Все дружно присмирели
И лица просветлели,
Глаза повеселели –

Охота ж погулять,
Мы тут принарядились,
Парфюмом надушились,
На смотр заявились,
К Яге валюты взять.
Старуха, сквернословя,
Без всяких предисловий
И не блюдя сословий,
Всем поровну рублей.
И Водяной и Леший,
И Змей Горыныч грешный,
И кот Ефим, конечно,
И я, как Бармалей.
Мы деньги получили
И, враз, загомонили,
И на тропу ступили
К соблазнам – скуку смыть.
Все порешили быстро,
Как новенький «нечистый»,
Ну и весьма речистый
«Сусаниным» мне быть.
Я, было, отрешился,
И этим насмешил всех,
И сам развеселился,
«Сусанин» был лихой,
Он всех завёл туда,
Откуда в никуда,
Такой он был чудака,
Нам нужен, вот такой.
– Нас проведи в болотце,
Что городом зовётся,
Потом уж не заботься
Нам возвратиться как
И если так случиться,
Придётся заблудиться,
Не нужно суетиться
Назад пошлёт нас всяк.

Старуха между делом
Лицом помолодела,
Глазами подобрела,
Звезда хоть под венец.
И во главе отряда
Командует, как надо
И для неё – отрада
Потешиться вконец.
Вступили в город разом
И огляделись сразу,
Нет ни какой заразы,
Путь к «подвигам» открыт.
Пришёл трамвайчик старый
Скамеечки по парам,
Поехали не даром,
Притихли до поры.
И вот огни рекламы
Нам на сердце бальзамом,
Кругом разврата храмы,
Глаза идут вразбег,
Сначала в ресторанчик,
Чтоб пропустить стаканчик,
Ну и наметить планчик,
Там каждый по себе.

Пельмени жаром пышут,
Сто грамм «срывает крышу»,
Я ничего не слышу,
Блаженства отхлебнул,
Официантка спешно
Мне улыбнулась нежно,
С желанием безбрежным
За попку ущипнул.
Она так завизжала,
Охрана прибежала,
Разборки обожала –
Клиентов выносить.

И выйти не просили,
Нахально выносили
И счёт мне подносили,
Безмерно заплатить.
Увидел краем глаза,
Что Водяной – проказа,
В стакане до отказа,
С ним парочка девиц.
На лектора похожий,
С улыбкою на роже,
Он словоблудить может
И петь не хуже птиц.
Лешак хлебнул немного,
Поглядывает строго,
Уселся у порога,
Чтоб быстро убежать.
И знает пень трухлявый,
Что он дурного нраву,
Что шабаша на славу
Не, пивши, не видать.
Старушка наша Ёжка
Ведёт себя построже,
Хлебнула лишь немножко
И с мужичком так сяк,
Он ей шептал на ушко,
Как старенькой подружке
И про любовь...неужто?
Та прыснула в кулак.
И в общем всё нормально,
Лишь только я охальник,
Был вышвырнут банально,
Что значит – опыт мал.
Но вечер только начат,
Продолжу всё иначе,
Купил пивка без сдачи
И дальше пошагал.

Оркестр замолчал,
И Леший заскучал,
И пьянствовать начал,
Но в настроенье сбой,
Сидит, как идиот,
Разряженный народ
Без меры водку пьёт,
А Леший сам не свой.
Вот если бы цыган,
А так везде изъян
Никчемный ресторан,
И Леший вышел вон.
Рекламные огни –
Светящийся магнит
Вдруг в баню поманил.
И захватил в полон.
За баню заплатил
И веник прикупил,
Кабинку получил
И весь в мечтах вспотел,
Разделся донага,
Минута дорога,
И бодро пошагал,
И худ, и белотел.
За дело не радея,
Он номерок на шею,
Напариться надеясь,
Ногами быстр и скор,
О счастья улыбаясь,
И веник примеряя,
Невольно ускоряясь,
Он спутал коридор.
Ещё подумал: – Странно,
Я «нечисти» избранник,
Лесов дремучих странник,
Немало прошагал,
Чего же так далёко,

И нагишом неловко
По коридорам столько
Идти в парильный зал.
Но вот и дверь искома
И по спине истома,
И чувства все знакомы,
И веник уж готов.
Кончается терпенье,
Ещё одно мгновенье
По лешему веленью
Он отворил засов...
Есть женщины красивы,
Есть просто позитивы,
А есть и негативы,
Но баня всех равняет.
И Леший с гордым взором,
С мальчишеским задором,
Не ведая позора,
Мир женский открывает.
Всё было б хорошо,
Но только нагишом,
У женщин вызвав шок
Виденье к ним влилось.
И как-то стало тихо,
И, что это за лихо,
Какого это ж психа,
Внезапно занесло?
Исчезло наважденье,
Вся сила возмущенья
На это представленье,
Теперь держись, Лешаче,
Кто громко хохотал:
– Гляди, каков нахал!
Кто тазиком махал,
Кто мылом зафигачил.
И Леший вдруг понял,
Что не туда попал,
И гнева весь накал
Проблемы лишь сулил.

Он духом как-то сник
И развернулся вмиг,
И с места резво, прыг,
И зад свой засветил.
Увидев голый тыл,
Отряд девиц завыл,
За ним что было сил
Кто с тазиком, кто без,
И бедный Лешачёк,
Наивный дурачёк,
Сбежать от девочек,
Ох, жаль его до слёз.
По длинным коридорам,
Как по лесным просторам,
Летящий, под напором,
Лешак ворвался в дверь
И женщины под стон
Без всяких, без препон
Под крики и под звон
Осилили ту твердь...
Погоней распалён
Девичий батальон
Влетел в мужской салон.
И все оторопели...
Зависла тишина,
Нервозна и смешна,
И лишь вода слышна,
И стены запотели.
Дыханье затаив,
Глаза вовсю открыв,
В груди любви порыв,
И каждый, смелый витязь.
И только старичок,
Ну, прямо, как сморчок
Тихонечко изрёк:
– Ну, раз пришли, садитесь.
И, что здесь началось:
И крик, и смех, и злость,
Как в жизни повелось,

Как в анекдоте грешном:
Кто быстро убежал,
Кто не соображал,
Кто визгом поражал,
А провокатор-Леший.
И кончилось печально,
В разврате обличали,
Свои права качали,
На Лешем всё сошлось.
В милицию забрали
По торжеству морали,
Уж люди постарались,
Легко не обошлось.
В «тигрятнике» на нарах
И в ожиданьи кары
Согнувшийся и старый
Сидит, молчит и ждёт,
Ну, кто откроет двери,
И кто ему поверит,
Что лешие не звери,
А это – культпоход.

5

А Водяной, как лектор
Решил расширить спектр,
Перенаправить вектор
И поменять кабак.
Коптят, воняют свечи
И развлекаться нечем,
А культпоход не вечен,
И что-то здесь не так.
Но Водяной упрямый,
Чтоб не испортит драму
И не имать здесь сраму
Компашку заменил.
Девичьи зашумели,
Ну, зря, что ли потели?
Они уже созрели,

Но Водяной свинтил.
Немного пробежавшись,
У бара оказавшись,
Решив, что «нализавшись»
Всё сложится быстрее,
Он к стойке подобрался
И с силами собрался,
Решимости набрался,
Сказал: – Бармен, налей.
Для нечисти, для разной
Оружье не опасно,
Будь Леший даже частный,
А также Водяной,
Но водка-исключенье
И с нею развлеченье
Сплошное злоключенье
И тут хоть вой, хоть пой.
А началось всё мирно,
Как по команде «смирно»
И Водяной за мир, но
По пьянке в чём прикол?
Изрядно поднабравшись
Он начал проклинать жизнь
И так перестаравшись
С ногами влез на стол.
Плевал на замечанья,
Чтобы привлечь вниманье
Во всём очарованье
Он матерно запел.
Старательный и ласков,
Но голосом не Басков,
И завершилась сказка,
И торт вдруг полетел.
Кидали, чем попало
И хорошо попало,
Не до веселья стало
Сорвали со стола,
Затем на пол кидали,
Ногами наподдали

И громко хохотали,
Такие вот дела.
Но Водяной не сдался,
Зря, что ли «накакался»,
Обструкции предался,
Оплёванный до пят,
Напряг избиты чресла,
Схватил большое кресло.
И, улыбнувшись кисло,
Швырнул в бутылок ряд.
А дальше, как виденье
Сплошное загляденье,
Застыло заведенье,
Чудесен был фортель:
Хрустели зеркала,
Летело по столам,
Всё превращалось в хлам,
По полу плыл коктейль.
Такое похождение
Сплошное наслажденье,
Оно без снисхожденья,
И вот окончен бал.
И постовой явился,
Бармен серьёзно злился,
А Водяной винился
И руки подставлял.
Захлопнулись браслеты,
И песенка допета,
В груди заныло где-то,
Подъехал «воронок»,
Убытки посчитали,
И кодекс зачитали,
И нервы помотали,
Сказали: – Будет срок.
Морально не убитый,
Избитый и не мытый
И в машине крытой
Доставлен без помех.
В «тигрянике» на пару,

А Леший-друг он старый
И в ожиданьи кары,
Их разбирает смех.

6

А Змей Горыныч он других умнее,
Не выкинет такие фортеля
И не одну-три головы имеет
Не ради шляп, а разуменья для.
Прикинувшись нормальным человеком,
Зашёл в кафе, стаканчик пропустил
И закусил горячим чебуреком,
Хлебнул ещё, соседа угостил.
И полилась душевная беседа,
О том, о сём, про женщин ни гу-гу,
Уже Горыныч обнимал соседа,
А тот, по пьянке, лихо «гнал пургу».
Уже спиртное полилось рекою,
И, на «халяву» подошла подмога,
Сосед желает заедать икрою,
Кричит: – Хочу всего, сейчас и много!
И «Реми Сан» уже всем наливают,
Не по чуть-чуть, по полному стакану.
Горыныч гордо заявил: – Желаю!
Хочу стриптиз, ну и слегка «Кан-Кану»
Всё завертелось и довольно гладко,
Стол и стулья по углам толкали,
Но со стриптизом некая накладка,
А вот «Кан-Кан», пожалуй, станцевали.
Всем весело, хозяева в волненьи,
А кто заплатит? Кругленькая сумма.
И, наконец, представилось мгновенье
Решительного денежного штурма.
К Горынычу подходит дядя важный:
– Вы, извините, но вопрос банальный,
Вы с виду гражданин весьма отважный,
Но счёт уже солидный и скандальный.
И пьяный Змей с презрительной усмешкой

Протягивает дивный портмоне:
– Не вовремя вы со своею спешкой
Я, думаю, валюты там вполне.
Рублишек там и впрямь весьма прилично,
Но не достаточно за этот балаган,
Ему сказали, что весьма логично:
– Добавить ещё надо за «Кан- Кан».
Горыныч наш слегка обескуражен:
– Ведь там же хватит, ясно и ежу,
И находясь под эйфорийным ражем,
– Я вам бесплатно фокус покажу!
Не дав сказать ни слова, без волнения
И даже заклинанья не читал,
Хихикнул и в какое-то мгновенье
Во всей красе пред публикой предстал.
Горыныч стал хвостатым и трёхглавый,
Но этим ни кого не удивил,
Когда «зальёшь свои шары» на славу,
Любой змеюка очень даже мил.
Один мужик был опытом богатый,
Сказал, зевая и сопя от скуки:
– Хотя и трёх голов, но не рогатый,
Сегодня как-то поменялись глюки.
Другой, что под столом и на карачках,
Задумчивый и потому притих:
– И, что? Знакомились и с «белою горячкой»,
Мы видели чертей и не таких!
Змей возмутился и вертел главами,
Потом затих, немножко затужил,
А, тот, из под стола, обидными словами:
– Ну, если Змей Горыныч, докажи!
И важный дядя тоже не приветлив:
– Не важно, Змей ты или даже чёрт,
И подошёл, движенье чуть замедлив:
– Ты оплати-ка настоящий счёт!
И змей от этого злодейского напора
Изрыгнул пламя прямо на счета,
И чтобы избежать бесчестья и позора,
Спалить бумажку верным посчитал.

И началось: все дружно «рвали глотки»,
Как в кабаках – от века повелось,
Три головы не поделили водку,
Змеиное трёхглавье подралось.
И Змей кричал визгливо и противно
Своею средней умной головой:
– Ведь я же настоящий реактивный,
А не какой-то турбовинтовой!
Плескалось пламя и летели искры,
Толпа орёт и паника кругом,
И в суматохе Змей умчался быстро,
И посмеялся над своим врагом.
И, радостный, над крышами летая,
Пугая и прохожих, и котов,
Уверенность и силу обретая,
Попался в паутину проводов.
Сначала он старался, вырывался,
Висеть запутанным уж очень не хотел.
Орал проклятья и огнём плевался,
Потом затих и тоненько запел:

«Ямщик не гони лошадей,
Мне не на что пива купить,
Никто не нальёт похмелить,
Пожарных зовите скорей».

Толпа зевак издалека смотрела,
Летели пламя, искры, матюги.
Ей до Горыныча, ну ни какого дела,
Ей было б лучше, если б он погиб.
Приехали пожарные расчёты
И МЧС, милиция, спецназ,
Залили нечисть пеной из расчёта,
Что б он не подпалил случайно газ.
И он был снят, в милицию доставлен,
В компанию, где Леший с Водяным.
Костюмчик цел, но лишь слегка оплавлен,
С претензией, и делом не простым.
В «тигрятнике» и в ожиданьи кары

Вся троица, не очень им смешно,
Их ожидают ни почёт, ни лавры,
Дежурный спит. Такое вот кино.

7

Витрина магазина
С рисованной картиной
И мебелью старинной,
Красиво, но не в тон.
Мне приглянулся мирный,
Как чемодан факирный,
Красивый ювелирный
Ухоженный салон.
Пил пиво, и пьянея
Под маской Бармалея,
Отчаянно смелея,
Решил разбить окно.
Затея авантюрна
Для старого, для дурня,
Вредна и не гламурна,
И делать вред грешно,
Но так, как я «нечистый»
Способный и речистый
Не то, что там артисты
Мне имидж ни к чему.
И я уже решился,
И даже разозлился,
Но смех вдруг разразился:
– Что, старый, ловишь мух?
Иль золото чарует,
Но если кто ворует
Он по ночам шурует,
Прохожих пожалей,
Ведь ринутся все сразу
И потеряют разум,
А красть толпой – маразм,
Как звать-то? – Бармалей.
– Ты, Бармалей? Прикольно!

Легальный иль подпольный?
Настольный иль напольный?
А может быть ручной?
Девушка хоть вульгарна,
Немножечко кошмарна,
Но в целом дева гарна –
Лик «бабочки ночной».
Ты кто ж такая будешь,
Что мужиков здесь удишь?
И мне под ухо зудишь,
И чёрт тебя припёр!
– Тебе какое дело?
Смотри, какой он смелый,
Ну, а на вид дебелий,
Ты, что мне, сутенёр?
И я подался дальше
От женщин и от фальши
И все желанья так – пшик
Не стоят и гроша
Из ресторана выгнан,
И план девицей вызнан,
И мухоловом признан,
И снова оплошал.
Но я решил, что всё же
Мне унывать негоже,
Пусть получу по роже,
Но пакость сотворю.
Сейчас бы мне напиться,
Немного подкрепиться,
А дальше перебить всё...
– Чёрт! Ерунду порю!
Но водки прикупил я,
Наверное, сглупил я,
И продавец каналья
«Палёной» мне всучил.
И, что мне оставалось,
Как разозлиться малость
И учинить здесь шалость,
И я киоск разбил.

Слегка повеселевший,
Для гадостей созревший,
Пусть я пока не Леший,
Но всё же Бармалей.
Да, я ещё не мачо,
Но будет всё иначе
И «мазь» пошла тем паче,
И, стал я, понаглей.
Иду по тротуару,
Плюю машинам в фары,
В руке пивная тара,
Куда бы зашвырнуть?
Вот будка телефона
Для гадостей искомых,
Покрыта светлым тоном,
Решаюсь заглянуть.
– Алло – это пожарка?
А вам не очень жарко?
Да-да мне очень жалко.
Не надо выезжать,
Не будьте слишком строги,
Чего ж вы так убоги?
А лучше мойте ноги
Ну и ложитесь спать!
Занятие прекрасно,
Не бегать понапрасну,
Смешно и неопасно
И по спине не бьют,
Набрал тихонько номер:
– Ваш папа уже в коме,
Нет-нет ещё не помер.
Наследство? Раздают!
Аэропорт взорвали,
И банк обворовали,
Юнцы озоровали,
Знай номер набирай.
Стою от счастья пьяный,
Названиваю рьяно,
Вдруг слышу: – Окаянный!

Да здесь он, забирай!
И руки заломили,
И палками побили,
В машину посадили
И быстро повезли,
В «тигрятник» запихали,
Где наши отдыхали,
Не очень запыхались,
Хоть злись, а хоть не злись.
Сидим степенно, чинно,
Компанией невинной
В течение ночи длинной,
Не издавая стон,
И Водяной, и Леший,
И Змей Горыныч грешный,
И Бармалей потешный,
А утром – «Соломон».

8

И только кот Ефим
Прикинулся святым
И трезвенник, и тих
Он против любой пьянки
И, даже, валерьянки,
А раньше он был лих.
Котяра без вопросов
Он пользовался спросом
Сосиски и почёт.
Слыл «голубей кровей»,
Других породовой,
Но прошлое не в счёт.
Однажды в прошлом годе
В каком-то огороде
В облаву угодил,
Ловили всех бродячих,
Глухих, слепых и зрячих
Кто без хозяев жил.
Ефим котяра видный,

Лохматый и солидный
В лечебницу свезён,
Сидел в отдельной клетке
Его кормили редко
И так прошло семь дён,
А на восьмой схватили
И лапы все скрутили,
Вселили боль и страх.
Ефим орал, кусался
И убежать пытался,
Но благородству – крах,
Кастрирован, унижен,
Разбит и едва выжил
Хозяйскою заботой.
Теперь мышей не ловит,
Не пьёт и не злословит
Измученный зевотой.
Спокойно без волненья
Он рядом с отделеньем
На дереве сидит.
Тихонечко зевает,
Но глаз не закрывает,
Ну, и за всем следит.

9

Водка в штофе, В кружке кофе,
И ей пофиг, А он пьяный.
Она грустна, шум из окна
И нету сна. Жизнь окаянна.
И вот он вроде, пригож и годен,
Одет по моде, не божьих слуг.
IQ приличный, поёт отлично,
Полно наличных, но Бахус друг.
И вечер прожит, и сердце гложет,
Была б моложе, а что теперь?
Компашки злачной, шабаш удачный,
Закончен смачно, всё без потерь.
Хотя б напиться, слезой залиться,

Или влюбиться, тепла б чуть-чуть.
Но мир порочен, поход окончен
И этой ночи понятна суть.
Тоску оставив, прикид поправив,
Стопы направив, такси ловить.
Печален вечер, настрой не легче,
А дом далече и надо жить.
Патруль в машине с мигалкой синей,
Шофёр-разиня здесь егозит.
Ега ругнулась, оком сверкнула,
И подмигнула, – Давай, вези.
Наряд в экстазе, летит «уазик»
Сержант проказник сидит, орёт,
Он матом кроет, сирена воет,
Хоть дело злое, удача ждёт.
Старушка мило бесовской силой,
Всех усыпила, над властью смех,
Все ходят странно и брызжут бранью
В мундирах рваных, как для потех.
Свечи огарок, старухи чары,
Приёмчик старый, охрана бдит.
И стол накрыли, опохмелили
И извинились: – Прости, бандит.
Так всё случилось, бабульки милость,
Для нас явилась, мы спасены.
Поёт охрана и не с экрана
Пусть это странно, но... колдуны.
Чертовска сила глаза закрыла,
Всех пригласила на карнавал.
Нечистый сглаз, тальянки глас,
Весёлый пляс их в круг позвал.
Под звук сирены, эскорт отменный
На пункт обменный скорее в лес,
Иссякнут чары, вернут на нары,
А там нет бара, сержант-балбес.
Такой урок приводит в шок
И нужен срок, чтобы понять,
«Тигрятник» пуст, осколков хруст,
Сжимает грусть. Не осознать.

Служивых всех народный смех
За их успех грехи простил.
Не их вина, что власть дана
Всем колдунам кто не в чести.

10

Сидим в избушке, втихаря скучаем
Кот на печи наглец прищурил глаз,
Яга нас угощает сладким чаем,
Ворчит, что не исполнили приказ:
– Все напилась, не говорила разве,
Проблем большой лопатой не разгресть
И учинили дурости на весь свет,
Спасибо сила ещё в чарах есть.
Скажи-ка Леший, друг сердечный
Какого чёрта в баню понесло,
А Водяной, да он певец, конечно,
Лягушек от тех песен пронесло.
Вот Змей Горыныч, наша зажигалка
Чего устроил стыд один и срам,
Ты лучше бы попрыгал на скакалке
Полезней, чем гулять по проводам.
А Бармалей, наш гангстер телефонный
Удумал, что ни сердцу, ни уму
Конечно, он не гастролёр оконный,
За дурь, его не жалко и в тюрьму.
И только кот с рассудком и покорный
И глупости совсем не совершал.
И выполнял задания проворно
Вопросы по освобождению решал.
Теперь вопрос к тебе мой, сокол ясный,
Быть хочешь Бармалеем иль уйдёшь?
Решай по совести, не жертвуй всем напрасно,
Отпустим с миром, хоть ты и хорош.
И я решил, какая в этом радость?
И жизнь не жизнь, какой-то культпоход,
На выходе обычная парадность,
На входе обездоленный народ.

Подумалось, что всё-таки там проще,
От грешных дел мне здесь не по нутру,
И пусть там жизнь труднее и короче,
Я всё-таки отправлюсь поутру.
И вечер оказался очень шумным,
Мы пили чай, болтали ни о чём,
Все говорили: – Поступил ты умно,
Но путь твой будет круто поперчён.
И к моему большому сожаленью
Тропы сюда мне больше не найти,
Но я не буду изменять решенье
И я придумал, как сюда прийти.
Они хитрят, они скрывают тайну,
Их мир банален и весьма раним.
И если заниматься питьём чайным,
Из всех орудий будет залп по ним.
Я думаю, любители напиток
Или бывает, с водки приболевший,
Способен очень быстро превратиться
И оказаться, ну, к примеру Лешим.
Кикиморой или какой русалкой,
И Змей Горыныч вытворяет козни,
И лишь кота Ефима очень жалко,
Других связать хоть вместе, а хоть порознь.
И ниоткуда подтянулись ведьмы,
На них и в сказках существует квота,
Кто вытворяет пакость это ведь мы,
Но признаваться в этом неохота.

11

На склоне лет и денег нет,
Задумчивый безмерно,
Иду на юг, там мне нальют
И ли побьют, наверно.
Я понял суть, вся жизни муть
От наших, от желаний.
И «нечисть» я, когда я пьян
Все чудеса по пьяни.

Среди людей полно чертей
И в каждом есть бесёнок.
Так хочешь жить, нечистым слыть,
Но чёрт не поросёнок.
А выбор есть иль долг, иль честь
И солнцу улыбнуться,
Или запой, и быт тупой,
Потом с ума свихнуться.

Прогноз ясновидца-недоучки

Нам с историей дружить
Может и не хочется,
Просто знать, как дальше жить
И от бед не корчиться.
Кабы знать, что впереди,
Было бы прекрасно
Иль хорошего не жди,
Иль всё будет классно.
Кто секреты скажет вам,
Что может случиться
Иль доверить колдунам,
Или там провидцам.
И астрологи берут
Деньги за услуги,
Даже если и соврут –
Звёзды – не их слуги.
Я б помочь хотел другим,
Обладать бы даром,
Дать науку молодым
И поддержку старым.
Я провидец не вполне
Про людей не знаю,
Что произойдёт в стране
Сейчас я погадаю.

Для начала уясним
Кто сидел при власти,
Что пришло в державу с ним
Благодать иль страсти.
По ученьям древним
Хоть и всё меняется,
История, поверьте мне,
Вечно повторяется.
Череда царей на срок,
Каждый в нём отмечен,
И пошло ли нам сё в прок,
Стало жить нам легче?
Первый царь Ванюша Грозный
Всех бояр прижал к ногтю,
По их помыслам стервозным
Прогуляться дал лаптю.
И пошла опричнина
Покрушать традиции,
И заслуги личные
В ноги оппозиции.
И бояре знатные
Аки псы безродные,
Не подмога, злато им,
Ни молва народная.
Порешил всем Ваня
Проверки и зачистки,
Всех в «кроваву баню»
И чужих, и близких,
Грозный чёрной тучею
Над страной промчался,
Власти для могучей
Опричнины вся шалость.
И Россия ослабела
Козней от кровавых,
И тем самым дала смелость
Для врагов для старых.
Так из крымских, из окраин
Появились беды,

Позабавились здесь ханы
Ваня Грозный, где ты?
Спрятался наш Ваня
В дальней слободе,
Ворог ведь незваный-
Добрый молодец.
Вот убралася орда
В свои заграницы,
А за ней ещё беда –
Нет земле кормильца.
И не стало землеробов,
Голод люто правил.
Унять беды как-то чтобы –
Крепостное право
Ввёл бесправное холопство,
Всех крестьян в рабов,
И унял боярско злобство,
Смял и был таков.
Порасширились границы,
Царство в крепки руки,
Кровь пролили, не водицу,
Всех обрѣк на муки.
А народ? А что народ,
Тягать ярмо не лень,
Было что б положить в рот,
Вот и «юрьев день».

Был ещё один такой
На Российском времени,
Жестокосердный кровопой
Из людского племени,
Через сотни три годин
В империи Российской,
У руля не господин,
Товарищ из марксистов
И, как в леты давние
В смутную годинушку.
По стране во слаwie
Понеслась дубинушка.

И дворян-помещиков,
И купцов и прочее,
В розги на посмешище,
Всё теперь рабочее.
И пролили кровушку,
И вошли во вкус,
Не в чужой сторонешке,
В отчем доме гнус.
Крови напилися,
Мясниками стали,
Казни удалися,
Рад, товарищ Сталин.
Он не бог, да и не царь,
Деспот гениальный,
Секретарь – он тот же писарь
Хоть и генеральный.
Упоенный властью,
С ней боясь расстаться,
Он с особой страстью
С друзьями стал прощаться.
Тех с кем не поладили,
Можно расстрелять,
И в страну ГУЛАГию
Других переселять.
Опричненный Скуратов
У царя в доверии,
У генсека братом
Был товарищ Берия.
НКВД с опричниной,
Как родные братья,
Ролью возвеличенной
И кровавой статью.
И петлём и пулею,
Голодом и холодом,
Разоряли, хулили
Свой родимый дом.
«Крепостное» рабство
Вскоре учредили
И в колхозном братстве

Всё определили.
И бесправье снова,
И молчит крестьянин,
Ни паспорта, ни слова
И кругом изъяны.
Вся страна в руинах,
Где ни глянь – изъяны,
Ох, держитесь спины
От власти окаянной.
Злобствуют туземцы,
Россия вновь в осаде,
С запада прут немцы,
ГеПеУ жмёт сзади.
Свои, как и чужие
Сколько же так было,
Сколько же Россию
Били, били, били,
Только отряхнётся
Матушка Отчизна,
К правде повернётся,
Это ведь не тризна.
Раны подзалечит,
Очистится обитель,
Ну, а мир не вечен,
Вот другой правитель.
А народ? А что народ,
Царь на троне иль не царь,
иль на поле недород,
Иль дуркует секретарь.

Что ещё в истории
Сходного и ладного?
Были и виктории,
Много и прохладного,
Было смутно времечко,
Что перед династией,
И раздора семечко
После царской власти.

И попили кровушки
Местные и пришлые,
И рыдали вдовушки,
И кресты поникшие
Вдоль дорог. За верушку
Брат на брата с вилами,
Сын с отцом до смертушки
Состязались силами.
Там семибоярщиной
Дело завершилось.
Здесь политбюровщиной
Раздавались милости,
Были и великие,
Что Россией правили,
Было – беды кликали,
Было – что и нравились.
Первый из великих был
Пётр – державный плотник,
Хоть и кровопийцей слыл,
А для Руси работник.
Прорубил окошко
Из Руси в Европу,
И привёз картошку,
Есть теперь, что лопать.
И привёз науки,
Балы, политесы.
И не знаем скуки,
И снимаем стрессы.
И во славу Родины –
Армия достойная,
Флот родился вроде бы,
Будь страна спокойная.
Были биты шведы
На море и в поле,
Вкус побед изведав,
Пожелать, что более.
Всё снаружи ладно,
Новый град построен,
А внутри нескладно,

Даже и на троне.
А народ? А что народ,
Стало ещё хуже,
Ведь для новых-то забот
Люд, ну, очень нужен.
И в народе ропот,
Нету больше силы.
И глаза изъел пот,
И новые могилы.
Царь добился многого,
Кто сие продолжит,
Но опять убогого,
Жизнь на трон предложит.
И в Российской бытности,
Были вещи странные.
Пребывали в сытости
Вожди иностранные.
К нам из иноземщины,
Милостью Всевышнего,
Пригласили женщину,
Царство было пышное.
Фавориты славились,
Но дела любовные,
Хоть царице нравились,
О России помнила.
Воевала с врагом,
Тоже флот построила,
Любо всё и дорого,
Звать великой стоило.
И царицы правили
Добротнобелоликие,
Были и в бесславии,
Были и великие.
О хорошем спорили
Молвили про скрытое,
Вляпаться в историю,
Дело-то не хитрое.
И не только женщины,
Мужи венценосные,

Были с трона смещены
За дела несносные.
И Россия гордая,
То верхом, то падала
Оземь, прямо мордою
Чтобы встать, а надо ли?
Триста лет Романовых
И бедой, и в радости,
Но царей помазанных
Прочь по умоскудости.
За сто лет последующих
Были вожди разные,
Знали мы и сведущих,
Были несуразные.
Но из всех, из нынешних,
Есть портреты давешних,
Хоть сотри и вырежь их,
Только не исправишь их.
Двоевластье было
Где-то по истории,
Шило или мыло
Вот про это спорили.
Прочь самодержавие,
Здравствуй демократия,
Коммунизм во славию
Строить стала братия.
По уму ли глупости
Был расчёт неправильный,
Коммунизму трудности-
И...поминки справили.
И вожди великие,
В будущее светлое,
Нас вели и кликали
Важные и смелые.
Знали мы любителей
Побренчать медалями,
Почестей ценителей,
С ними все сияли мы.
В очередь кто строились

Порулить державою,
Быстро упокоились
Тихо и в бесславии,
Но пришёл к рулю один,
Меткою отмеченный,
Не товарищ-господин,
Словоблуд беспечный он.
Развязал в стране войну
За трезвое сознание,
И страну почти загнул
В позу покаяния.
Вот другой кричит: – А, ну!
Надо вверх стремление,
И своим раздал страну
Всю на разорение.
И тащили, все кто мог,
В смутное то времечко,
Честных тех, кого в острог
Кому дубиной в темечко.
А народ? А что народ,
Ему всё едино,
Для кого глаза ест пот,
На кого гнуть спины.
Бюрократов цела рать,
Мимо не пройти
Не закончат взятки брать,
Сколько не плати.
Раньше на кормлении
Были губернаторы,
А у нас последние,
Зовутся бюрократами.
У Петра Великого
Был Александр Меньшиков,
У царей безликих
Тоже есть приспешники.
Обложили данью всех,
Словно свою вотчину,
Обеспечен им успех,
Как другое прочее.

Расцвело в конце концов
Воровство махровое,
И тогда пришло лицо,
И назвалось Вовойю.
С Вовой – Красно Солнышко
Жили словно в тире,
То ласкали колышком,
То стрельба в сортире.
Замедляет ход в стране
Коррупционерия.
И растёт цена на нефть,
Валюта прёт не мерянно.
За границу газ и сталь,
Так кричат статейки.
А народ богаче стал
Аж, на три копейки.
Что творится со страной,
Смех то или слёзы,
Ясновидец я дрянной,
Вот мои прогнозы.
Нет гармонии в России
Нету, и не будет,
Неприязнь сию осилить
Ну, не могут люди.
Всё, что было давеча,
Будет повторяться.
Стоит всё опять начать:
– Это ж было, братцы!
И правление царей,
Чем же отличается.
От иных секретарей,
Народ так же мается.
Так же будет Русь плестись
Лучше или хуже.
Хоть жируй, а хоть постись,
И в жару, и в стужу.
Будем верить болтунам,
Или верить в светлое.
И подачки кинут нам

От богатств несметных.
Потому Святуя Русь.
Из времён, из дальних,
Принимать нельзя без грусти
И без состраданий.
А народ – холоп постылый,
Но в години злостные,
Когда власть от страха стыла
Сразу: – Братья, Сёстры.

Основной прогноз такой:
Историей научен
Рулит пусть страной любой,
Только бы не мучил.
Тот ли царь, или другой,
Приведут ли третьего.
А народ что? Песни пой
И достойно встретить его.
Любит Бог Россию-Мать
В том его знамение,
Не за ширь её и стать
За долготерпение.
Враг найдёт могилушку
Здесь свою и тление,
Иль народной силушкой,
Иль её терпением.
И живёт русский мужик
Божием велением,
Всё царёво – просто пшик
Пшик и отношение,
Дана вера свыше нам,
В рай и царство божие,
Тем и живы. Крещена
Русь. Спасенье может ей.

Над царём есть бог,
У бояр есть царь,
У мышей есть стог,

Лишь холоп есть тварь.
Сотворили мир,
Человек рождён,
Попадёт на пир,
Будет побеждён.
Будет господин
Или подлый смерд,
В чередё годин
Поджидает смерть.
Только, как пройти
Отведённый путь,
Если ты прост, тих,
А кругом зло, жуть.
Почему одним
От рожденья свет,
Почему по ним
Не гуляет плеть?
А, другой с пелён
Обручён с нуждой,
Богом наделён,
Он судьбой-бедой.
И вина дитя,
Что родители
Не греха хотят,
А обители.
Так Господь решил
Дать смирение,
Белый саван сшил
Поколениям,
А за богом царь
Властью данною
Отец-государь,
Сатрап окаянный,
Всех царей творения
Наша Русь снесёт,
Вера и терпение
Только и спасёт.
Будем в бога веровать
И минуем грозы.

Заповедям следовать,
Вот все прогнозы.

PS

Что ещё хочу сказать
Вместо послесловия,
То, что было, надо знать
В этом и основа есть.
Сопоставишь прошлое,
Будешь знать, что будет
Прошлое пусть пошлое,
Ну, а мы-то люди?
Наш народ переживёт
И добро, и худо,
Только пусть ярмо сорвёт,
Мы-то всё же люди.

Ноябрь-декабрь 2009

По реке

Молодой и сильный,
Взяв рюкзак на плечи,
По дороге пыльной
Шёл с судьбой навстречу.
Ничего не держит,
Все пути открыты,
Лицо солнцем нежит,
И сомненья смыты.
Я на остановке,
Поезд на подходе,
И взобравшись ловко,
Постою в проходе.
Люди суетятся,
Посидеть где ищут,
«Мелют и жуют» все
Для беседы пищу.

Поезд покатился,
Перестук колёсный,
Люд угомонился,
Занялся расспросом.
Что, чего и сколько,
У кого случилось,
До вопросов скользких
Вскоре докатилось.
И уже смеются
В том конце вагона,
А в другом, поют все,
Кто к артистам склонны.
Весело с улыбкой
Пошагало время,
Кто взволнован шибко,
Кто тихонько дремлет.
Кто угомонился,
Путь, пожалуй, долог,
Я уже решился,
Тесно мне средь полков.
Я сойду у речки,
Там простор и ветер,
Там дыханье легче,
И, пока, не вечер.

Край платформы сколот
Незаметной тропкой,
Барабанным соло
Стук колёс по сопкам.
Поезд свистнул вздорно
Там за перелеском.
Тишиной покорной,
Редким речки всплеском
Встречен я. Вначале
Приготовлю лодку,
Крепко накачаю,
Что б скользила ходко.
Занял место, правлю,
А течение тихо,

Сам себе не нравлюсь,
Нужно погрести хоть.
Вёслами о воду,
Волны вслед усами,
Скорости в угоду,
Вот бы с парусами.
Притомился. Вяло
Шевелю веслами,
Лишь желанья - мало,
Навык надо сладить.
Приловчился скоро
И поплыл быстрее,
Но дела не споро
И проблемы зреют.
Там по курсу мели,
Здесь водовороты,
Но стремлюсь я к цели,
Строг на поворотах.
И река ожила,
Шевелись на вёслах,
Кровь вскипает в жилах,
Дело здесь для взрослых.
Предо мною остров,
Влево или вправо,
Вроде всё так просто,
Курс нашёл и править.
Вправо всё спокойно,
И грести не надо,
И смотри покорно,
Как идёт всё ладом.
Влево волны с пеной,
Рокот и буруны,
И буграми вены,
Жилы, словно струны.
И восторг до крика,
Брызги, как из душа,
Беды б не кликать,
Вот и вёсла сушишь.
Две струи – дорогой,

Полноводной гладью,
Впереди пороги,
Не «резинку» б – ладью
Вёсла позабросил,
Скорости хватает,
Сохранить бы впрок сил,
Что там ждёт, кто знает.
Уже в лодке тесно,
Неуютно стало,
Нет сил телесных
И душевных мало.
И уже в пучину
Нет желанья, править,
И найду причину
По теченью плавить.
Хочется покоя,
А река быстрее,
И спешить не стоит,
И восторг не греет.
Руки подустали,
Отдых на мгновенье,
Жилы не из стали,
Понесло теченье.
И уже сомненья,
Пусть не страх, но всё же,
И дрожат колени,
И мороз по коже.
Я вцепился в вёсла,
Силы на исходе,
Стыдно будет после,
В лодке нету хода.
Берег недалёко,
Из последних сил рвусь,
Не дыханье-клёкот,
В берег сейчас ткнусь.
И сижусь усталый,
Ни каких желаний,
Только и осталось,
Мне воспоминанья.

Не смотрю на реку,
Всё мне там знакомо,
И осталось – веку,
Что дойти до дома.

В поезде нет смеха,
Как-то всё уныло,
Не достиг успеха,
Времечко уплыло.
И народ не весел,
Постаревший тоже,
Я пошёл к окну, сел,
Там-то жизнь моложе.
Вот и остановка,
Но перрон высоко,
Выходить неловко,
Не ходьба-морока.
Как же мне до дома
С грузом доплестись,
Хоть зови на помощь,
Хоть перекрестись.
И стою на травке,
Больно уж высокой,
Где же та оправка,
Из поры далёкой.
Как всё пролетело,
Будто и не жили,
Сколько захотели,
Столько получили.
Но, доволен этим,
Ни к чему стенанья,
Может стать, заметим,
Будут и желанья.
Прислонюсь к калитке,
Руки положив,
До чего ж болит всё,
Значит, ещё жив...

СТРАННЫЕ МЫСЛИ

– Внутренняя красота важнее, чем внешняя, – категорически заявила она.
– Согласен, – ответил он, – Красавица поцеловала чудовище всего один раз, и то в сказке.

Пламя свечи заплескалось испуганным мотыльком и упорхнуло в вечность...
В ночи вспыхнули звёзды.

Всегда найдётся причина, чтобы распять Христа.

13.05.08 г	17-00.	Тепло, светит солнце.
14.05.08 г	01-00.	Идёт снег густой, как на Новый Год.
	07-30.	Снег прекратился, выпало много.
		Взошло солнце.
	12-15.	Снег растаял. Кругом слякоть и грязь.
	17-00.	Высохло. Хорошо. Тепло.

Он так и не научился летать. Провёл всю жизнь у старого гнезда, не создал своего, не завёл птенцов и прожил, не познав полёта.

По зелёному листу сползла росинка и упала на иссохшую душу.
На мгновение в глазах заискрилась улыбка. Погасла, и слеза, раздумывая, покатила по щеке.
Упала на зелёный лист. Взошло солнце, и всё закончилось...

Один стал великим композитором, другой художником, третий политиком, четвёртый, пятый, сотый, тысячный... Миллионы других просто статисты. Кем быть труднее?

Если в прошлой жизни нечего вспомнить – надейся на будущее.
Если впереди не видно просвета приходится любить прошлое.

Когда знаешь, что осталось немного, не хочется заканчивать все свои дела. Пусть дом останется не достроен.

Улыбкой юности беспечной, искринкой в капельке росы
пусть будет этот день.

Снежинка узором прекрасным легла под узор чудный шины.

Любимая, а можно это слово сто тысяч раз на ушко прошептать?

Залез под платье, оголил колени бесстыдник – ветер, негодяй и хам...

Распахнуты руки, желанье в глазах, в объятье родная, в объятье.
Пусть непогода лёгкой грустью на сердце ляжет и не более...

2009

«Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать» – так сказал поэт.
Как же он прав! Каждый русский виноват лишь в том, что родился русским.
Виноват перед страной, перед всем миром. Перед всеми.
Может и красота русских в этом? И его загадка в этой виноватости?

Бесплатная медицина погрязла во взятках,
Платная медицина погрязла в мошенничестве.

Чем лучше жизнь, тем она короче.

Чем больше сугробы перед окном, тем ярче в памяти останется зима.

Чем красивее женщина, тем дороже обходится праздник.
Чем красивее женщина, тем сильнее разочарование.
Чем красивее женщина, тем легче расставание.
Чем красивее женщина, тем больше абсурда.

Педофил насильовал ребёнка много лет и получил за это условный срок.

Отец убил педофила за то, что тот пытался изнасиловать его ребёнка и получил хороший срок.
Невольно возникает вопрос: – А судьи кто?

Людям нужны материальные блага,
Одиночеству достаточно духовности.

Как бы ни было красиво окно, гость всегда поглядывает на дверь.

- Почему развалился СССР?
- Было много желающих порулить.
- Почему в России всё наперекосяк?
- Руль один, а рулевых много.
- Что надо сделать?
- Отменить профессию рулевой.
- Что получится?
- Кремль отделится от России.
- Как реагировать?
- Не надо жалеть об этом.

Когда не с кем поговорить, расскажи всё бумаге.
Когда не хочется говорить, смотри в окно.
Когда не хочется смотреть, закрой глаза и слушай.
Когда не хочется слушать, вспоминай детство.
Когда не хочется ничего, значит, ты уже умер.

Они мечтали, чтобы у них всё было и ничего за это им не было. Мечты сбылись.

1917- Революция. + 20лет
1937-Репрессии.
1991-Переворот.
1993-Переворот. + 20лет
2011-2013 – ??????????